

УДК 94+39(479)

Научная статья

 <https://doi.org/10.35330/1991-6639-2026-28-2-147-165>

 XIQHEU

Эпидемии чумы и вспышки других опасных заболеваний на Центральном Кавказе в начале XIX века: источники распространения, масштабы и последствия

А. В. Кушхабиев[✉], В. А. Фоменко

Научно-инновационный центр «Экспертные системы источниковедения и историографии»
Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук
360010, Россия, Нальчик, ул. Балкарова, 2

Аннотация. Актуальность исследования заключается в значимости выявления влияния эпидемий чумы и других особо опасных заболеваний на этнодемографические процессы, социально-экономическую и политическую ситуацию на Центральном Кавказе в начале XIX в.

Новизна исследования заключается в том, что впервые предпринята попытка выявления источников распространения, масштабов и последствий эпидемии чумы, а также других опасных инфекций на Центральном Кавказе в указанный период.

Цель работы. Исследование эпидемии чумы и вспышек других смертоносных заболеваний на Центральном Кавказе в начале XIX века.

Методы исследования. Использованы описательный, историко-системный, историко-типологический и историко-сравнительный методы.

Результаты исследования. В статье кратко рассмотрена предыстория эпидемических проявлений чумы и других крайне опасных инфекционных заболеваний на Центральном Кавказе. Выявлены: разные версии источников появления чумы на Центральном Кавказе в начале XIX в.; масштабы распространения и методы борьбы с чумой и другими особо опасными инфекциями в рассматриваемый период; последствия эпидемий в данном субрегионе.

Заключение. Сделаны выводы о том, что в источниках и исследовательской литературе представлены две основные версии источника распространения чумы на Центральном Кавказе: Грузия – 1802 г. и Астрахань – март 1805 г. Авторы статьи считают наиболее вероятной вторую версию. В 1805–1812 гг. эпидемия чумы в разной степени охватила Центральный Кавказ и нанесла значительный урон его народам. Вопрос об общей численности умерших от чумы среди народов Центрального Кавказа все еще остается дискуссионным и нуждается в дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: Центральный Кавказ, Кавказская линия, начало XIX в., чума, эпидемия, холера, карантин, Грузия, Астрахань

Поступила 26.01.2026, одобрена после рецензирования 25.02.2026, принята к публикации 25.03.2026

Для цитирования. Кушхабиев А. В., Фоменко В. А. Эпидемии чумы и вспышки других опасных заболеваний на Центральном Кавказе в начале XIX века: источники распространения, масштабы и последствия // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2026. Т. 28. № 2. С. 147–165. DOI: 10.35330/1991-6639-2026-28-2-147-165

© Кушхабиев А. В., Фоменко В. А., 2026

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Plague epidemics and outbreaks of other dangerous diseases in the Central Caucasus in the early 19th century: sources of spread, scale, and consequences

A.V. Kushkhabiev[✉], V.A. Fomenko

Scientific and Innovation Center “Expert Systems of Source Studies and Historiography”
of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
2, Balkarov street, Nalchik, 360010, Russia

Abstract. The relevance of this study lies in the importance of identifying the impact of plague epidemics and other particularly dangerous diseases on ethnodemographic processes and the socioeconomic and political situation in the Central Caucasus in the early 19th century.

The novelty of the research stems from the fact that it is the first attempt to identify the origins, extent, and consequences of plague epidemics and other dangerous infections in the Central Caucasus during the specified period.

Aim. A study of the plague epidemic and outbreaks of other deadly diseases in the Central Caucasus in the early 19th century.

Research methods: descriptive, historical-systemic, historical-typological, and historical-comparative.

Study results. This paper briefly explores the prehistory of epidemic manifestations of plague and other extremely dangerous infectious diseases in the Central Caucasus. It identifies various versions regarding the origins of plague in the Central Caucasus in the early 19th century; the scale of its spread and methods of combating plague and other particularly dangerous infections during this period; and the consequences of epidemics in this subregion.

Conclusion. The authors conclude that sources and research literature present two main theories regarding the origin of the plague in the Central Caucasus: Georgia in 1802 and Astrakhan in March 1805. The authors believe the second theory is more likely. Between 1805 and 1812, the plague epidemic swept through the Central Caucasus to varying degrees and inflicted significant damage on its peoples. The total number of plague deaths among the peoples of the Central Caucasus remains controversial and requires further research.

Keywords: Central Caucasus, Caucasian Line, early 19th century, plague, epidemic, cholera, quarantine, Georgia, Astrakhan

Submitted 26.01.2026,

approved after reviewing 25.02.2026,

accepted for publication 25.03.2026

For citation. Kushkhabiev A.V., Fomenko V.A. Plague epidemics and outbreaks of other dangerous diseases in the Central Caucasus in the early 19th century: sources of spread, scale, and consequences. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*. 2026. Vol. 28. No. 2. Pp. 147–165. DOI: 10.35330/1991-6639-2026-28-2-147-165

ВВЕДЕНИЕ

В результате эпидемии чумы, охватившей Центральный Кавказ в начале XIX в., погибла значительная часть населявших его народов, что зафиксировано в источниках начала XIX в. В этой связи исследование появления, масштабов и последствий чумы, а также других особо опасных инфекций на Центральном Кавказе имеет важное значение для современного кавказоведения, позволяет глубже изучить их влияние на этнодемографические процессы, социально-экономическую и политическую ситуацию в этом субрегионе в указанное время.

Content is available under license [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Цель настоящей работы заключается в исследовании эпидемий чумы и вспышек других особо опасных инфекций на Центральном Кавказе в начале XIX века. Реализация данной цели предполагает решение следующих задач: кратко рассмотреть вспышки чумы на Центральном Кавказе в эпохи Средних веков и Нового времени (до XIX в.); выявить источники распространения этой инфекции на Центральном Кавказе в начале XIX в.; определить масштабы и последствия распространения чумы и других опасных инфекций на Центральном Кавказе.

Методы исследования. Авторы статьи использовали общенаучный описательный метод при изложении перечня фактов проявлений чумы и других особо опасных болезней на Центральном Кавказе в исследуемый период. В статье также нашли применение общеисторические методы: историко-системный, историко-типологический, историко-сравнительный. Историко-системный метод позволил провести разносторонний анализ причин эпидемических проявлений в изучаемом регионе в начале XIX в., рассмотреть эти проявления как один из важных факторов российско-северокавказских отношений того времени. Применение историко-типологического метода выявило особенности реакций властей и местного населения на появление смертоносных болезней на территориях их проживания (Кавказская линия, Кабарда, осетинские, балкарские, карачаевское общества). Историко-сравнительный метод позволил провести анализ, установить особенности воздействия на население и последствия вспышек чумы, а также роли природных, демографических, религиозных и других факторов.

Источниковая база исследования: опубликованные документы («Акты, собранные Кавказской археографической комиссией») [1], документы и материалы, выявленные в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, г. Москва), нарративные источники, мемуарная литература, данные фольклора и др.

Состояние изученности проблемы. В работах российских авторов XIX в.: И. Ф. Бламберга [2, с. 129], Ю. Клапрота [3, с. 241], В. А. Потто [4, с. 672–674], Н. Ф. Грабовского [5, с. 183, 185], И. Дебу [6, с. 117], Н. Н. Шабловского [7, с. 37–39] и др. эпидемия чумы рассматривается в контексте фиксации статистических сведений о народах Центрального Кавказа и описания политических событий в регионе в начале XIX в. Вместе с тем в них содержится противоречивая информация об источниках распространения чумы. Фрагментарно показаны и масштабы распространения этого заболевания среди народов Кавказа.

В исследованиях советских и современных российских кавказоведов Л. И. Лаврова [8, с. 394], Б. П. Берозова [9, с. 3], Л. Н. Польского [10, с. 11], П. А. Кузьминова [11, с. 746–751, 758], Л. И. Краснокутской [12, с. 33–34], Х. К. Геграева [13, с. 42–46], А. В. Кушхабиева [14, с. 87, 88, 93–95], В. А. Фоменко [15, с. 57] и др. эпидемия чумы начала XIX в. рассматривается в контексте ее влияния на демографические процессы и социально-политическую ситуацию на Центральном Кавказе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В эпохи Средних веков и Нового времени на Кавказ заносили чуму из других регионов: стран Ближнего Востока, волжских степей и др. Существовали также местные горные и степные природные очаги этого особо опасного заболевания. Народы Северного Кавказа несли немалые людские потери от эпидемий чумы, так как еще не было эффективных средств борьбы с ней.

Чума – это особо опасное острое природно-очаговое инфекционное заболевание группы карантинных инфекций. Инкубационный период болезни длится 2–3 дня. Начало заболевания знаменуется повышением температуры тела до 40–41°C. Большинство зараженных испытывают мышечные боли, слабость, тошноту и рвоту, головокружение. Существуют две основные клинические формы чумной инфекции: бубонная и легочная. Наиболее распространенной формой является бубонная чума, которая характеризуется

наличием болезненных воспаленных лимфатических узлов или «бубонов». Коэффициент летальности бубонной чумы в современную эпоху достигает 30–60 %. Легочная чума при отсутствии лечения всегда приводит к летальному исходу. Информация из исторических источников позволяет предположить, что в начале XIX в. на Кавказе распространилась бубонная чума. В источниках XIX в. чума зафиксирована также под наименованиями: моровая язва, язва, опасная зараза, моровое поветрие.

Высоким уровнем смертности сопровождалась также вспышки холеры, дизентерии, малярии, а позднее – оспы, сибирской язвы, тифа и других болезней. В письменных источниках, и особенно в фольклоре, эти опасные инфекции почти неразличимы. В начале XIX в. и в предыдущие эпохи легко было спутать проявления холеры и дизентерии, чумы и сибирской язвы, а по масштабам и быстрой смертности – чумы и холеры. Все эти инфекции можно относить к очень древним, но проявления их на Центральном Кавказе по ряду причин не фиксировались в письменных и даже в фольклорных источниках.

Археологические исследования в сочетании с микробиологическими позволили определить, что население юго-западной части Центрального Предкавказья болело чумой в эпоху раннего Средневековья. В окрестностях Кисловодска в 50–70-х гг. XX в. были изучены сотни захоронений того времени. В находках и грунте из некоторых погребений с помощью серологического исследования удалось обнаружить присутствие белка *Yersinia pestis* – возбудителя чумной инфекции. Один из авторов этого открытия – краевед-археолог А. П. Рунич предположил, что сокращение численности населения этого субрегиона в VII в. могло быть связано с эпидемией чумы [16, с. 18–19]. Но также заметим, что резкое уменьшение числа наскальных погребений и, соответственно, носителей этого погребального обряда в Центральном Предкавказье относится к X в. Это тоже, возможно, имеет отношение к росту заболеваемости чумой.

Раннесредневековое население, хоронившее покойников в скалах в Центральном Предкавказье и на Северо-Западном Кавказе, было привязано к транскавказским торгово-обменным путям и значительно сократилось в X в. Можно предположить, что это является последствием воздействия чумы, которую могли принести в предгорья и среднегорья торговцы и путешественники [15, с. 57]. Либо чума имела местное происхождение от высокогорного природного очага [17, с. 19–20].

Население степных и горных областей Центрального Кавказа было уязвимо для особо опасных заболеваний (высокий уровень плотности населения, отсутствие эффективных средств борьбы с опасными инфекциями, присутствие естественных очагов чумы). Сурки, суслики и ряд других грызунов, при посредничестве определенных видов блох, являлись источниками и переносчиками этой опасной инфекции. Грызуны, особенно хомяки, крысы и мыши, соседствовавшие с людьми, стремились к полям и запасам зерна. Поэтому чума при уменьшении защитных сил человеческого организма (например, при длительном голоде) могла распространяться среди населения субрегиона и из местных очагов. Эти очаги и в наши дни представляют определенную опасность для местных жителей и туристов.

Чума в большей степени все же переносилась и передавалась людьми, перемещавшимися на значительные расстояния (путешественниками, купцами и др.). Известны разрушительные последствия эпидемии чумы в Европе, в т. ч. и на Северном Кавказе, в эпоху Золотой Орды.

В XV–XVIII вв. проявления чумы, холеры и других крайне опасных инфекций в центральной части Северного Кавказа, несомненно, были, но, как указано выше, они почти не фиксировались в письменных источниках и проявились только в данных фольклора, причем без убедительной хронологии. По сведениям российского исследователя местной статистики и краеведа И. В. Бентковского, чума появилась в Кабарде на р. Куме в 1759 г. Она была занесена из Крыма – из г. Кафы. От чумы тогда умерло 7 человек. В 1770 г. чума появилась в Закавказье. От нее в Тифлисе умерло 400 человек. В 1789 г. чума появилась на Дону и на Северном Кавказе [18].

ПОЯВЛЕНИЕ ЧУМЫ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ XIX В.

В документах российских военных чиновников и работах российских авторов XIX в. содержатся две основные версии относительно источника распространения чумы на Центральном Кавказе. По первой версии, эта опасная инфекция появилась в Грузии в 1802 г., оттуда перешла на Северный Кавказ. По второй версии, чума была завезена из Астрахани в Георгиевск вместе с почтой в марте 1805 г. В работах некоторых авторов не указаны источник и время появления этой болезни. Рассмотрим информацию, зафиксированную в работах российских авторов XIX в., авторов советской эпохи, современного периода и в документах российских военных чиновников XIX в. (рапорты, предписания, письма, отношения и др.).

По мнению юриста и этнографа Н. Ф. Грабовского, чума появилась в Грузии и перешла на Северный Кавказ в 1803 г. [5, с. 183]. Данная версия зафиксирована в работах Р. У. Туганова (чума ошибочно названа холерой) [19, с. 16], М. М. Блиева [20, с. 294], П. А. Кузьминова [11, с. 750]. Эта версия приведена и в работе кабардинского автора В. Кудашева (1913 г.), но в ней не указан источник чумы [21, с. 88].

В документах российских военных чиновников (декабрь 1802 г.) зафиксировано, что чума появилась в Джавахети (юг Грузии, граничит с Арменией и Турцией) и среди некоторых татар, подвластных Грузии, а также в селе Коды среди служащих Тифлисского мушкетерского полка. К июлю 1803 г. эта болезнь уже распространилась в российских войсках, дислоцированных на территории Грузии. К августу 1804 г. численность погибших от чумы в Грузии составила 1570 человек [1. Т. 2, с. 257, 261, 262].

В рапорте командующего войсками на Кавказской линии в 1806–1811 гг. генерала от инфантерии С. А. Булгакова министру внутренних дел (1807–1811) князю А. Б. Куракину (от 7 апреля 1808 г.) сказано, что чума была занесена на Кавказскую линию в станицу Александровскую служащими Волжского казачьего полка при возвращении из Кабарды в мае 1804 г. «от вещей, добычных казаками». В 1805 г. чума возобновилась в станице Павловской того же казачьего полка, в 1806 г. появилась в Моздоке и в слободе Павлодольской, затем распространилась в Георгиевском и Моздокском уездах. К концу года инфекция достигла станицы Темижбекской на р. Кубани (почти на 400 верст). Летом 1804 г. селения вблизи Бештовых гор, в том числе Бабуков аул, находившийся в 4 верстах от Георгиевска, были охвачены чумой. Летом 1805 г. эпидемия охватила окрестности Горячих Вод вблизи крепости Константиногорской. В 1806 г. в уездах Кавказской губернии произошла новая вспышка чумы, которая продолжалась и в 1807 г. [1. Т. 3, с. 55–57].

В рапорте Георгиевского исправника Водынского генерал-фельдмаршалу И. В. Гудовичу (от 2 декабря 1806 г.) сказано, что в конце ноября 1806 г. чума также появилась в селе Незлобном [1. Т. 3, с. 52].

По данным военного историка генерал-лейтенанта В. А. Потто, чума была завезена на Кавказскую линию из Астрахани вместе с почтой в марте 1805 г. [4, с. 672].

По информации, зафиксированной в предписании Астраханского генерал-губернатора, главнокомандующего на Кавказе и инспектора Кавказской линии генерала от инфантерии П. Д. Цицианова начальнику Кавказской линии (1803–1807) генерал-лейтенанту Г. И. Глазенапу (от 9 июня 1805 г.), в станице Павловской появилась болезнь с бубонами, т. е. бубонная чума [1. Т. 2, с. 945–946].

По сведениям И. В. Бентковского, в 1805 г. чума распространилась на Кавказской линии и в Астрахани, в 1806 г. – в Георгиевской станице и далее почти по всем селениям. Эпидемия длилась в течение полугода и прекратилась в феврале 1807 г. [18].

В высочайшем повелении (повелении императора. – *авт.*) на имя главнокомандующего в Грузии (1806–1809) графа И. В. Гудовича (от 28 января 1808 г.) указаны два региона,

откуда чуму занесли на Кавказскую линию: Астрахань и Малая Кабарда [1. Т. 3, с. 54–55]. Информацию из данного документа можно считать официальной версией царских властей. Этим объясняется то, что в дальнейшем военные чиновники стали указывать в официальных документах данную версию.

Таким образом, наиболее вероятной можно считать версию, согласно которой чума была завезена на Кавказскую линию из Астрахани вместе с почтой в марте 1805 г.

В записке начальника Кабарды (1805–1810) генерал-майора И. П. Дельпоццо сказано, что чума (каб. – емьнэ уз) появилась среди кабардинцев в 1803 г. [22, с. 24]. Однако другие источники, в том числе и рапорты самого И. П. Дельпоццо, опровергают эту версию.

О времени появления этой болезни в Кабарде свидетельствуют рапорты Г. И. Глазенапа П. Д. Цицианову. В рапорте от 12 марта 1804 г. сказано, что в Кабарде нет чумы, и он постоянно следит за ситуацией [23]. Следовательно, в марте 1804 г. в Кабарде еще не было чумы. В данное время Г. И. Глазенап подготовил войска для похода в Кабарду и ожидал сведений о появлении либо отсутствии этой болезни. В рапорте от 11 мая 1804 г., когда российские войска уже находились в Кабарде в районе р. Чегема, сказано, что по слухам в некоторых аулах Большой Кабарды начинается чума, но, может быть, эти слухи распространяются, чтобы не пустить российские войска в земли Кабарды [24].

Отряд царских войск под командованием Г. И. Глазенапа вступил в Кабарду в мае 1804 г. Затем военные действия между царскими войсками и войсками кабардинских князей проходили до весны 1805 г. В марте 1805 г. Г. И. Глазенап снова совершил военный поход в Кабарду [1. Т. 2, с. 962–963.]. Нет сомнений в том, что Г. И. Глазенап не стал бы вводить войска в Кабарду и вести там боевые действия во время эпидемии чумы.

И. П. Дельпоццо в своем рапорте от 14 мая 1805 г. отметил, что признаков чумы в Кабарде не обнаружено [1. Т. 2, с. 966–967.].

На основании вышеуказанных сведений можно заключить, что в мае 1805 г. в Кабарде еще не было чумы. Эпидемия этой болезни в Кабарде зафиксирована в документах российских военных чиновников 1806 г. Следовательно, чума могла появиться в Кабарде не ранее лета 1805 г.

МАСШТАБЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЧУМЫ И ДРУГИХ ОПАСНЫХ ИНФЕКЦИЙ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ

По данным российских источников, в начале XIX в. эпидемия чумы в разной степени охватила весь Центральный Кавказ и нанесла значительный урон его народам. В рассматриваемое время в качестве методов борьбы с этим заболеванием использовались: карантинная изоляция больных, сжигание жилищ и вещей умерших. Военная администрация усилила посты вдоль центральной части Кавказской линии карантинными заставами, запретила жителям российских городов и селений какие-либо контакты с представителями соседних народов. Народам Центрального Кавказа были запрещены торговые поездки за Кавказскую линию, прежде всего за солью (к соленым озерам). Эти меры значительно осложнили хозяйственную деятельность народов субрегиона и послужили причиной обострения политической ситуации.

В. А. Потто и краевед Н. Н. Шабловский опубликовали данные о вспышках чумы в городе-крепости Георгиевске с некоторыми расхождениями в датах. В первые десятилетия XIX в. Георгиевск являлся важным военно-административным центром Северного Кавказа. В нем проживала приблизительно тысяча человек. Непривычный для приезжих из центральных районов России климат и нередкие эпидемии препятствовали значительному приросту численности горожан [7, с. 36–38, 52].

От чумы, завезенной в марте 1805 г., в Георгиевске погибли 292 местных жителя. Годовая смертность в городе составляла около 50 человек. Известно, что раньше всех умерли служащие почты. При разборе пакетов скончались помощник почтмейстера и все, кто помогали ему. Мортусы (служители при больных карантинными заболеваниями. – *авт.*) убрали их тела и вещи в отдельное место, но этого было недостаточно. Чума очень быстро распространилась по небольшому городу. Началась паника. Начальнику Кавказской линии Г. И. Глазенапу с трудом удалось восстановить порядок, создать карантин и больницы. Ежедневно вещи умерших от чумы сжигались. Лейб-эскадрон Нижегородского драгунского полка, подвергшийся заражению, был выведен за пределы города на 2 недели. Генералу помогали полковые врачи Геер и Гинафельд. Они ежедневно ездили по Георгиевску, следили за работой карантинных, заходили в дома больных и оказывали помощь заразившимся на улицах. Для защиты от смертельной инфекции они непрерывно курили табак, нюхали уксус четырех разбойников (средство, приготовленное на основе уксуса и трав. – *авт.*), обмывали им руки и носили белье, пропитанное дегтем [4, с. 672–674; 7, с. 37–38].

В рапорте Кавказского вице-губернатора статского советника Рожнова генерал-фельдмаршалу И. В. Гудовичу (от 25 июля 1806 г.) сказано, что чума в Моздоке и селе Павлодольском, в Георгиевске и в военном селении Тифлиском ослабевает в связи с принятыми мерами. В приложенной ведомости зафиксировано, что с 29 мая по июль 1806 г. заболевших было 239 чел., умерших – 229 чел. [1. Т. 3, с. 52].

В рапорте командующего войсками на Кавказской линии С. А. Булгакова А. Б. Куракину (от 7 апреля 1808 г.) зафиксировано, что чума распространилась на расстоянии 450 верст от Екатеринограда до Усть-Лабы в 20 российских селениях. Она охватила все народы, живущие от истока р. Кубани к левому флангу Линии до р. Сунжи, и станицы гребенских казаков. На основании представления министра внутренних дел В. П. Кочубея (от 14 апреля 1807 г.) об учреждении комитета под его начальством для прекращения чумы на Кавказской линии, получившего одобрение императора, С. А. Булгаков создал комиссию (от 4 июня 1807 г.) по борьбе с эпидемией. Уже к августу наблюдался спад эпидемии, а к декабрю она стихла. С. А. Булгаков предписал прервать сообщение с местами, объятами чумой, и удвоить цепь войск по границе. Он ввел и крайнюю меру: офицерам в редутах было предписано останавливать всех кабардинцев и горцев и в случае неповиновения открывать по ним огонь [1. Т. 3, с. 55–57].

В начале XIX в. потери среди солдат от эпидемии чумы и других опасных болезней в крепостях в районе Кавказских Минеральных Вод были значительными [10, с. 11; 6, с. 95, 188–189]. В этой связи у Константиногорской крепости при Горячих Водах был создан карантин, т. е. контрольно-санитарный пост [25, с. 41].

Кроме того, у Константиногорской крепости у слияния Золотушки и Подкумка находились заболоченные участки (анофелогенные водоемы), где водились малярийные комары. В конце XVIII – середине XIX в. малярия была серьезной болезнью, часто наносившей большой вред российским войскам на Северном Кавказе [26, с. 302–303]. Только в середине XX в. удалось осушить большинство болотистых местностей в этой части долины Подкумка. С тех пор население Пятигорска практически перестало болеть малярией.

По сведениям окружного врача Кабардинского округа А. И. Дроздовского, лихорадочная малярия с различными осложнениями представляла большую опасность для населения округа [27, с. 367].

По данным Бентковского, в 1807 г. чума распространилась в Астрахани и на Кавказской линии. Кавказскому губернатору в 1807 г. было выделено 30 тыс. руб. на уплату жителям за утраченные вещи. Выздоровливающие должны были выдерживать еще шестинедельный карантинный срок. В Ставрополе на некоторое время были закрыты базары.

В 1809 г. чума снова появилась на Кавказской линии. В селении Средний Егорлык был учрежден карантин. Кабардинцам был воспрещен въезд в пределы Кавказской губернии. Им также был прекращен отпуск соли в количестве 50 тыс. пудов в год, без которой они в течение двух лет испытывали крайнюю нужду [18, с. 3].

Осенью 1812 г. эпидемия чумы повторилась в Георгиевске. В этот год умерших было значительно меньше. В Кавказской губернии насчитывалось несколько сот умерших. В октябре 1812 г. в Георгиевске умер (во время борьбы с эпидемией) кавказский гражданский губернатор Я. М. Брискорн. Его похоронили с особыми почестями [7, с. 38–39].

Георгиевск получил репутацию гиблого лихорадочного места и прозвище «кладбище коллежских асессоров» [7, с. 52]. Дело в том, что в годы правления Александра I титулярные советники, не соответствовавшие по образованию продвижению по чиновничьей лестнице, отправлялись на Кавказ, получая чин коллежского асессора. Часто их жизнь завершалась в Георгиевске из-за неприспособленности к местному «нездоровому» климату и от различных болезней (малярия, тиф и др.) [7, с. 52]. Учитывая суровость эпидемиологической ситуации в Георгиевске, командующий войсками на Кавказской линии (1812–1816) генерал Н. Ф. Ртищев в 1815 г. просил центральные власти перевести губернские учреждения в другой город. Однако лишь 2 октября 1824 г. по рапорту командующего Отдельным кавказским корпусом (1816–1827) генерала от инфантерии А. П. Ермолова соответствующие присутственные места были перенесены в Ставрополь указом императора. Георгиевск с того времени стал уездным центром, а с 1830 г. получил еще более низкий статус – заштатного города [7, с. 39–40].

Примером суровой эпидемиологической обстановки на Кавказской линии в начале XIX в. является история шотландских миссионеров, поселившихся в качестве гостей в селении Каррас близ Горячих Вод в 1802 г. Уже в летние месяцы 1804 г. значительная часть шотландцев умерла от дизентерии или холеры [12, с. 33]. Якобы это произошло от зараженности гостевых домов Карраса. Действия властей на линии привели к уходу и смерти в 1811–1812 гг. населения Карраса [12, с. 37] и соседних селений.

В статье Р. У. Туганова и В. М. Аталикова приведен список 27 человек, которых миссионеры купили в 1806–1808 гг. у местных жителей. Авторы работы предположили, что это были дети низших сословий местного населения, тех, кто погиб от болезней в 1804 г. [28, с. 55–56]. Еще 15 человек (5 семей) шотландцев (плотники, печатники, ткачи) прибыли в Каррас летом 1805 г. Из них вскоре умерли 10 взрослых и 3 детей [12, с. 33]. Как отмечено выше, летом 1806 г. в Кавказской губернии произошла еще более сильная вспышка чумы. Выжило небольшое число шотландцев. Но с 1809 г. в Каррас из Сарепты Саратовской губернии стали приезжать приглашенные семьи немцев. В 1813 г. в селении Каррас жили 166 человек (26 шотландцев, 123 немца, 17 человек из местных народов) [12, с. 35–37].

В 1811 г. сын одного из местных ногайских владельцев султан Каты-Гирей (Катте-Гирей), заболевший чумой, был вылечен миссионерами в Каррасе [12, с. 37, 38–39]. Султан Каты-Гирей стал последователем миссионеров; крестился и получил имя Александр. Затем он служил в Грузии, а с 1816 г. стал помогать миссионерам. Император разрешил Каты-Гирею отправиться в Англию и получить духовное образование. В 1820 г. Каты-Гирей вернулся в столицу России, а спустя несколько лет он с семьей поселился в Крыму, где продолжал оказывать помощь миссионерам [29, с. 505–506].

По сведениям И. П. Дельпоццо, особенно острый и масштабный характер чума приобрела в Кабарде в 1805–1807 гг. Начальство (администрация Кавказской линии. – *авт.*) усилило кордонные посты на Линии и приказало военнослужащим ни под какими предлогами не пропускать кабардинцев за Линию. За этим последовали неурожай хлеба и

голод. И. П. Дельпоццо отметил, что кабардинцы, будучи истребляемы язвой и голодом, «... многие распухли и похожи на образ человека, едва имеющие движение» [22, с. 12]. Он также отметил, что вследствие эпидемии чумы выжила только десятая часть кабардинцев [22, с. 14, 24; 1. Т. 4, с. 880]. Объясняя причину столь высокого уровня смертности, И. П. Дельпоццо сообщал, что кабардинцы живут рядом с зараженными, что они не сжигают вещи умерших, а сами их используют, отчего заражаются и также умирают. Такое поведение он объяснял тем, что «... их муллы вложили им в мысль, что все сие их бедствие зависит от провидения Божия» [22, с. 15].

По информации, зафиксированной в рапорте Кавказского вице-губернатора Рожнова главнокомандующему в Грузии И. В. Гудовичу (от 25 ноября 1806 г.), в Малой Кабарде эпидемия чумы продолжалась. Она дошла до одной из ингушских деревень. Часть жителей деревни умерла, остальные покинули ее. Такая же ситуация наблюдалась и в Карабулаке. Царской администрацией были приняты меры – не пропускать жителей указанных регионов через посты, минуя карантин Кизлярский, Червленский, Моздокский и Прохладненский. В документе также отмечено, что вице-губернатор Рожнов сообщил генерал-лейтенанту Мусину-Пушкину об усилении кордонной стражи напротив Большой и Малой Кабарды и по Тереку, которой отдан приказ: ни под каким предлогом с тех мест людей мимо карантинных застав не пропускать и вещей никаких от них не принимать и не выменивать [1. Т. 3, с. 52].

В рапортах российских военных чиновников за 1807 г. зафиксировано, что от чумы умерло большинство населения Малой Кабарды, в том числе князья и дворяне, которым прежде удавалось избегать эпидемии. В частности, в рапорте С. А. Булгакова И. В. Гудовичу (от 10 сентября 1807 г.) отмечено, что подвластные князей Джилахстановых, живущие по Грузинской дороге, почти все вымерли от свирепствующей там чумы, и их осталось малое число, среди которых только два князя. В Большой Кабарде эпидемия также не прекращалась, и начали умирать в немалом количестве князья и дворяне, которые прежде умирали редко [1. Т. 3, с. 53].

Российский академик Юлиус Клапрот, проводивший в 1807–1808 гг. этнографические и филологические исследования на Кавказе, отметил, что большая часть селений Малой Кабарды была покинута или разрушена в связи с чумой в 1806–1807 гг. [3, с. 241].

В рапорте С. А. Булгакова И. В. Гудовичу (от 2 ноября 1807 г.) сказано, что «кабардинский владелец Адиль-Гирей Атажуков (князь Адиль-Гирей Атажукин, лидер шариатской группировки. – *авт.*) и почетнейший Исак-эфендий (Исхак Абуков. – *авт.*)», препятствовавшие населению принимать меры по борьбе с чумой, сами умерли от нее, как и многие другие знаменитые эфендии [1. Т. 3, с. 657].

Главнокомандующий в Грузии И. В. Гудович вину за массовую смертность кабардинцев от чумы также возложил на мусульманское духовенство. Он отметил, что духовенство по своему произволу удерживает народ в суеверии, чтобы не опасался чумы. От этого происходят отказ от соблюдения предписаний по борьбе с чумой и «беспорядки» [1. Т. 3, с. 658–659].

Эпидемия чумы на Центральном Кавказе вызвала серьезную обеспокоенность правительства. И. В. Гудович получил высочайшее повеление (от 28 января 1808 г.): предписать С. А. Булгакову и всему губернскому начальству принять все возможные средства для прекращения чумы, под их ответственность. В документе также сказано, чтобы и по прекращении чумы на Кавказской линии сообщение с Кабардой и другими местами, откуда она может появиться, впредь осуществлялось только посредством карантинного очищения [1. Т. 3, с. 54–55].

В высочайшем повелении на имя И. В. Гудовича (от 29 мая 1808 г.) отмечено, что чума снова появилась в Александровском уезде и в ногайских аулах [1. Т. 3, с. 58–59].

Летом 1808 г. чума снова появилась в абазинских селениях, в связи с чем С. А. Булгакову было приказано усилить военные посты и сблизить их между собой, за нарушение же абазинами предписанных правил подвергать их военному суду по всей строгости закона [1. Т. 3, с. 58–59].

С. А. Булгаков получил высочайший рескрипт (от 16 февраля 1809 г.), в котором содержится повеление: пресечь сообщение жителей селения Кизляр с окрестными местами; отменить ранее данное губернатором позволение отлучаться как на р. Терек для рыболовства, так и в Астраханскую губернию и в другие места вплоть до повеления после окончания чумы; усилить военные кордоны как по Тереку, так и в других местах, где может быть сообщение жителей Кизляра с другими [1. Т. 3, с. 60–61].

По поручению И. П. Дельпоццо поручик Суздальского мушкетерского полка Таганов, имевший родственные связи в Кабарде, 19 мая 1809 г. посетил селения верховий рек Подкумка и Кумы, селения карачаевцев в верховьях Кубани. Оттуда он отправился в верховья рр. Малки, Баксана, Чегема, Шалушки и посетил Черекское ущелье, затем (6 июня) прибыл в Прохладненскую карантинную заставу. Он сообщил, что во многих местах Кабарды есть чума. Чума оказалась на р. Череке в ауле Казаншева в 50 верстах от Прохладной [1. Т. 4, с. 843].

В выписке из донесения поручика Таганова (1809 г.) сказано, что на местах абазинских аулов он обнаружил пепел от жилищ. Их жители удалились от мест, зараженных чумой, и основали небольшие поселения. Их вещи, вызывавшие опасения, были сожжены под контролем медицинского чиновника Саратовской врачебной управы Гринфельда. Абазины утверждали, что зараженных чумой среди них нет и все они прошли через карантин. Большая часть их скота разбредлась во время чумы. В выписке также отмечено, что чума «свирепствует» в Чегемских горах [1. Т. 4, с. 844–845].

В выписке сказано, что Таганов объездил всю Кабарду, обнаружил опустошенные селения и вместо прежде больших селений остались «несколько бедных хижин». Он заключил, что едва пятая часть осталась от кабардинцев, и те погибают от язвы. В качестве причин массовой смертности он указал, что жители кабардинских селений не соблюдали предостерегающие меры: общались с больными и не сжигали вещи умерших [1. Т. 4, с. 845].

По данным главнокомандующего в Грузии и на Кавказской линии (1808–1811) генерала от кавалерии А. П. Торماسова, летом 1809 г. чума в Кабарде еще не прекратилась, и от населения Кабарды осталась только едва пятая часть, которая продолжала сокращаться от эпидемии [1. Т. 4, с. 845].

После получения информации (донесение от доктора Штегемана и коллежского асессора Добровольского) о новом появлении чумы в Большой и Малой Кабарде в июле 1809 г. на А. С. Булгакова было возложено:

1. Моздокскую карантинную заставу без промедления привести в надежное и безопасное состояние (соответственно замечаниям, представленным доктором Штегеманом и к.а. Добровольским).

2. Воспретить до обустройства Моздокской карантинной заставы пропуск товаров из мест, охваченных чумой.

3. На всех пунктах Кавказской линии пресечь сообщение с кабардинцами и их соседними народами. Кордоны на линии усилить, используя необходимое количество войск [1. Т. 4, с. 847–848].

А. П. Тормасов в своем отношении к А. Б. Куракину (от 24 сентября 1809 г.) отметил, что И. П. Дельпоццо, по его (А. П. Тормасова) предписанию, предложил кабардинским князьям принять российских врачей для разъяснения средств, необходимых для ликвидации чумы, но те отказались, заявляя, что в Абазе (территория абазин. – *авт.*), несмотря на все предосторожности и распоряжения российского правительства, чума не прекращается

третий год. В отношении отмечено, что кабардинский народ приписывает эти несчастья предопределением, посланным им свыше, в избавление от которых отдается на волю Божию. В документе также сказано, что кабардинских купцов не пропускали в Астрахань и Кизляр для покупки товаров до прекращения эпидемии. Но и после того им позволят посещать эти города не иначе как они будут верными России [1. Т. 4, с. 852].

И. П. Дельпоццо в своем рапорте А. С. Булгакову (от 28 сентября 1809 г.) сообщал, что чума распространилась среди кабардинцев, среди жителей селений в вершинах рек Кумы и Подкумка и особенно «свирепствует» в аулах Маргушевом, Ашабовом, Мехекевом (вероятнее всего, селение Махоково – *авт.*) и Даутоковым [1. Т. 4, с. 853].

Некоторые источники содержат информацию, свидетельствующую о том, что население Кабарды, прежде всего князья и дворяне, все же использовали известные в то время методы борьбы с чумой: сжигали дома и вещи, оставшиеся от умерших, и переселялись в другие места. В частности, в работе подполковника А. М. Буцковского, собиравшего по особому поручению сведения по географии, этнографии и статистке Северного Кавказа в 1810–1812 гг., сказано, что в последние годы кабардинцы часто переселялись в другие места по причине язвы, при появлении которой здоровые переходят на новые места [30, л. 74].

А. С. Булгаков в своем рапорте А. П. Тормасову (июль 1809 г.) отметил, что в заграничном кабардинском ауле Девлет-Гирея Тамбукаева «близ кордонов наших» оказалась язва в одном семействе, которое выведено в отдаленное место [1. Т. 4, с. 850–851].

Последняя вспышка чумы в рассматриваемый период была зафиксирована в октябре 1816 г. среди конвойной команды казаков донских полков, сопровождавших командующего Отдельным кавказским корпусом (1816–1827) генерала от инфантерии А. П. Ермолова, следовавшего в Грузию. С целью недопущения опасной болезни в Тифлис команду расположили в поле [31, с. 302–303].

В российских источниках рассматриваемого периода нет точных данных о численности умерших от чумы в 1805–1812 гг. среди народов Центрального Кавказа. По сведениям военных чиновников, колоссальные потери понесла Кабарда – умерло от четырех пятых до девяти десятых кабардинцев. От чумы умерло большинство населения Малой Кабарды (в начале XIX в. граница между Большой и Малой Кабардой проходила по р. Аргудану. – *авт.*).

По сведениям генерал-майора И. Л. Дебу, в 1804 г. в Малой Кабарде насчитывалось 15 тыс. дворов, в Большой Кабарде – до 30 тыс. дворов. Но с 1807 г. в связи с уходом части населения Кабарды за Кубань и в Чечню, а также по причине эпидемии чумы в обеих Кабардах не осталось и 10 тыс. дворов, число которых от вышеназванных причин ежедневно уменьшалось [6, с. 117].

По данным А. М. Буцковского, к 1812 г. насчитывалось 2 тыс. дворов кабардинцев, в которых проживало приблизительно 40–50 тыс. человек [30, л. 73, 74, 108].

В работе офицера Генштаба генерал-лейтенанта И. Ф. Бларамберга, служившего в Отдельном Кавказском корпусе, отмечено, что в 1810–1812 гг. в результате бедствий чумы численность населения Кабарды сократилась до 30 тыс. человек: 24 тыс. в Большой и 6 тыс. в Малой Кабарде [2, с. 129].

По результатам переписи населения Кабарды, проведенной в 1824–1825 гг., численность населения мужского пола составляла 13 611 человек [1. Т. 6. Ч. 2, с. 476]. Общая же численность кабардинцев могла составлять приблизительно 26 тыс. человек.

А. П. Ермолов, назвав моровую язву «союзницей нашею против кабардинцев», указал, что она уничтожила совершенно все население Малой Кабарды и произвела опустошение в Большой. Он также отметил, что в Малой Кабарде от чумы уцелело около трехсот семейств, «и нет следов прежних больших селений» [31, с. 283, 285].

По мнению этнолога и историка В. Х. Кажарова, от эпидемии чумы и войны численность кабардинцев сократилась почти в 10 раз, чему способствовала чрезвычайно высокая плотность населения, созданная царизмом [32, с. 128]. Высокой плотности населения Кабарды способствовало сокращение ее территории, происходившее начиная с 1760-х гг. В начале XVIII в. границы Кабарды проходили: на западе по рекам Уруп и Лаба. Восточные границы Кабарды доходили до нижнего течения Терека и побережья Каспийского моря. Северная граница Кабарды проходила по долине р. Томузловки. К югу от территории Кабарды в верховьях рек от Кубани до Терека находились территории карачаевцев, балкарцев, осетин и вайнахов. В 1763 и 1777–1783 гг. царские власти заняли значительные территории Кабарды под строительство Кизлярско-Моздокской, а затем Азово-Моздокской, или Кавказской линии. Границы экзистенциального пространства адыгов Кабарды были отодвинуты за рр. Малку и Терек. Планомерная военно-казачья колонизация территории Кабарды (строительство укреплений и станиц) продолжалась в 1803 г. (Кисловодская крепость), в 1820 и 1822 г. (укрепления внутри Кабарды) [32, с. 127, 128; 33, с. 291–297, 317–330, 358, 409–410; 34, с. 4–6], в 1825–1829 гг. (станицы по течению Подкумка и Малки (Боргустанская, Ессентукская, Горячеводская, Марьинская, Старопавловская и др.)) [35, с. 74], а также и позднее (некоторые укрепления перестраивались, например, Каменноостское) [36, с. 58–60, 68, 69, 73, 74, 112].

По подсчетам П. А. Кузьмина, число кабардинцев, умерших от чумы в начале XIX в., составило от 56 тыс. до 77 тыс. человек. Еще 15–20 тыс. кабардинцев ушли за Кубань, 5–10 тыс. – в Чечню, 2–3 тыс. – к другим народам, от голода умерли 10–12 тыс., в столкновениях с царскими войсками погибли 1–2 тыс. человек. При этом П. А. Кузьминов считает, что численность населения Кабарды в конце XVIII в. составляла 130–160 тыс. человек [11, с. 751].

Однако подсчеты П. А. Кузьмина нам представляются заниженными. По результатам исследований советских и современных российских кавказоведов, численность кабардинского населения во второй половине XVIII в. составляла приблизительно 250–300 тыс. человек. В первой четверти XIX в. около 20 тыс. кабардинцев, отказавшихся примириться с условиями царских властей, переселились за Кубань. В начале 1830-х гг. за Кубанью насчитывалось 62 кабардинских селения. Еще несколько тысяч кабардинцев переселились в Чечню. К началу 1830-х гг. численность кабардинского населения на территории Кабарды составляла около 30 тыс. человек [37; 34, с. 4–9; 38, с. 143–145]. Следовательно, число кабардинцев, погибших в начале XIX в., прежде всего от чумы, могло составлять приблизительно 200 тыс. человек.

Можно предполагать, что основные причины масштабной смертности кабардинцев от эпидемии чумы заключались: в высоком уровне плотности населения; в требованиях духовенства не вести борьбу с эпидемией; в действиях царских войск; в значительном ослаблении хозяйственной деятельности в связи с карантинными мерами, которые приводили к нехватке соли, продовольствия и голоду.

Переживания в годы эпидемий отражены в фольклоре карачаевцев и балкарцев. Ряд старинных песен посвящен событиям нескольких эпидемий начала XIX в. – чуме и холере. Год высокой смертности от болезней балкарцы и карачаевцы называли «ёлюмлю жыл». Данные фольклора показывают, что особо опасные инфекции в начале XIX в. затронули общества многих межгорных котловин западной части Центрального Кавказа. По данным Х. К. Геграева и соавторов, эпидемии и связанные с ними бедствия способствовали снижению калыма у балкарцев. Известно, что в 1809 г. кабардинский князь Кучук Джанхотов (Бекмурзин. – *авт.*) с группой всадников посетил балкарские селения в ущельях для выяснения серьезности последствий разразившейся там эпидемии. Было отмечено продолжение распространения чумы в Чегемском ущелье [13, с. 44–45].

В работе этнологов И. М. Шаманова и А. И. Мусукаева по истории селения Джамагат в Карачае сказано, что в 1809 г. там была эпидемия чумы. В конце того же года эпидемия стала утихать, но вспышки болезни возникали в регионе до 1812 г. [39, с. 111].

Эпидемии чумы (осет. – емьн) в XV-XVIII вв. стали бедствием для населения Осетии. Емьн обожествлялась осетинами. Ее божеством был Рыны бардуаг (властитель моров, эпидемий и эпизоотий), которому в горах были посвящены святилища. В преданиях он выглядел как седоволосый старик с дубовой палкой и кошельком, сидящий на могильном камне.

Осетинское слово «рын» (чума, повальная болезнь, эпидемия) имеет отношение не только к чумной инфекции, но и к холере. От него произошло слово больной (осет. – рынчын). По данным этнолога Л. А. Чибирова, от эпидемий часто вымирали роды и фамилии. К названию сильно пострадавших фамилий прикреплялось слово «рын». С их представителями опасались родниться, т. к. якобы они имеют нечистую кровь. Последствия «свирепého мора» в виде крупных кладбищ наиболее очевидны в Дигорском и Куртатинском ущельях [40, с. 206, 423–424].

Эпидемии чумы и холеры в Осетии в сочетании с малоземельем и голодом сделали к середине 20-х гг. XIX в. этот горный регион краем «черной смерти» и «мертвых городов». Численность населения там с начала XVIII в. сократилась до 20200 человек, то есть приблизительно в пять раз [9, с. 3].

По данным М. М. Блиева, в октябре 1803 г. в Тагаурии вспыхнула чума, завезенная из Мекки. Местные жители вынуждены были временно покинуть дома и уйти вглубь гор [20, с. 294].

По сведениям графа Гудовича, в октябре 1807 г. во Владикавказе и селениях Ларс и Степан-Цминде Тагаурского ущелья чума прекратилась. В селении Коби умерли 2 чел. Жители селения прогнали больных в горы [1. Т. 3, с. 53–54].

Сохранилась легенда о создании Ахсарты дзуар (осет. святилище орешника), посвященного Рыны бардуаг. В 1815–1820 гг. в Дагомском и других обществах Алагирского ущелья происходили эпидемии холеры. Многие жители селений уходили в лес. Заразившиеся готовили себе могилы и, ожидая кончины, сидели рядом с ними, надеясь, что выжившие закроют грунтом их погребения. Эпидемия не дошла до верхней части ущелья, и уцелевшие там жители сделали святилище. В Тагаурском и других ущельях имела место высокая смертность от эпидемий. У селения Чми сохранились кладбища, включающие подземные склепы. Согласно легенде, там были погребены умершие от холеры [40, с. 94, 548].

Выводы

В статье представлен анализ источников распространения, масштабов и последствий эпидемий чумы, а также вспышек других особо опасных инфекций на Центральном Кавказе в начале XIX в. и в предыдущие эпохи. Показано, что в работах российских авторов XIX в., авторов советской эпохи и современного периода, в документах российских военных чиновников XIX в. содержатся две основные версии источника распространения чумы на Центральном Кавказе: Грузия – 1802 г. и Астрахань – март 1805 г. Авторы статьи считают наиболее вероятной вторую версию.

В 1805–1812 гг. эпидемия чумы в разной степени охватила Центральный Кавказ и нанесла значительный урон его народам. В рассматриваемое время в качестве методов борьбы с чумой использовались: карантинная изоляция больных, сжигание жилищ и вещей умерших. Военная администрация усилила посты вдоль центральной части Кавказской линии карантинными заставами, запретила жителям российских городов и селений контакты с представителями соседних народов. Народам субрегиона были запрещены торговые поездки за Кавказскую линию, что значительно осложнило их хозяйственную деятельность и послужило причиной обострения политической ситуации.

К настоящему времени не выявлены данные об общей численности умерших от чумы среди народов Центрального Кавказа в начале XIX в. По сведениям российских военных чиновников, колоссальные потери понесла Кабарда; умерло от четырех пятых до девяти десятых кабардинцев (около 200 тыс. чел.).

Эпидемия чумы начала XIX в. нанесла значительный урон жителям абазинских селений. Эпидемии чумы и холеры в начале XIX в. распространились в балкарских, карачаевских и осетинских селениях. В частности, в 1809 г. чума распространилась среди жителей Чегемского ущелья. Численность населения Осетии вследствие эпидемий сократилась приблизительно в пять раз (до 20200 чел.).

Вопрос об общей численности умерших от чумы среди народов Центрального Кавказа все еще остается дискуссионным и нуждается в дальнейших исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 2–6. Тифлис: Тип. главного управления Наместника кавказского, 1868–1875.
2. *Бларамберг И. Ф.* Кавказская рукопись. Ставрополь: Кн. изд-во, 1992. 240 с.
3. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом: перевод с английского. Нальчик: Эль-Фа, 2008. 320 с.
4. *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб: Изд. кн. склада В. А. Березовского, 1887. Т. 1. Вып. 4. 736 с.
5. *Грабовский Н. Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость (исторический очерк) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 112–212.
6. *Дебу И.* О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. СПб.: Тип. К. Крайя, 1829. 476 с.
7. *Шабловский Н. Н.* Георгиевская старина. СПб.: Типография В. Безобразов и Ко, 1914. 100 с.
8. *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 2008. С. 367–427.
9. *Берозов Б. П.* Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII–XX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1980. 240 с.
10. *Польской Л. Н.* Летопись Пятигорска. Пятигорск, 1993. 122 с.
11. *Кузьминов П. А.* Этнодемографическая карта народов Терека: размещение, численность и миграции населения в конце XVIII – первой половине XIX века // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. С. 641–759.
12. *Краснокутская Л. И.* Иноземцево (1802–2002). Страницы истории. Пятигорск: Россия, 2002. 92 с.
13. *Геграев Х. К., Барзбиев М. И., Анажева С. С.* Заболеваемость населения, становление медицинской помощи и медицинской статистики в Балкарии XIX – начала XX века // Электронный журнал «Кавказология». Нальчик: КБГУ, 2020. № 1. С. 42–66. DOI: 10.31143/2542-212X-2020-1-42-66
14. *Кушхабиев А. В.* Этнографические сведения о кабардинцах в российских источниках последней трети XVIII – первой четверти XIX века // Электронный журнал «Кавказология». 2025. № 2. С. 83–101. DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-83-101
15. *Фоменко В. А.* Археологические культуры Северного Кавказа эпохи древности и Средневековья (проблемы выделения и культурно-этнической атрибуции). Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 164 с.

16. Рунич А. П. Новые данные по древней истории Ставрополя // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1988. Вып. 15–16. С. 15–21.
17. Евченко Ю. М., Ефременко Д. В., Мозлов Г. А. и др. Перспективы совершенствования эпиднадзора за чумой на примере Центрально-Кавказского высокогорного природного очага // Актуальные вопросы обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия в Причерноморском регионе: материалы научно-практической конференции. Ставрополь, 2013. Электронное издание (CD). С. 19–20.
18. Бентковский И. Чума на Северном Кавказе в прошлом и нынешнем столетиях // Ставропольские губернские ведомости. 879. 13.01. № 2. С. 3.
19. Туганов Р. У. Шариатское движение в Кабарде против царизма в 1799–1807 гг. // Живая старина. 1991(1). С. 8–18.
20. Блиев М. М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе: Изд-во «Ир», 1970. 380 с.
21. Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. 283 с.
22. Дельпоццо И. П. Записка о Большой и Малой Кабарде // РГВИА. Ф. 846. ВУА. Оп. 16. Д. 18491. 1808 г. 37 л.; Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа / Сост. Х. М. Думанов. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. С. 9–41.
23. Рапорт инспектора Кавказской кавалерии генерал-лейтенанта Глазенапа господину генералу от инфантерии князю Цицианову, от 11 мая 1804 г. № 168. Лагерь за р. Баксан // РГВИА. Ф. ВУА 846. Оп. 16. Д. 6164. Ч. 37 (2). Л. 134.
24. Рапорт инспектора Кавказской кавалерии генерал-лейтенанта Глазенапа от 12 марта 1804 г. № 13. Георгиевск // РГВИА. Ф. ВУА 846. Оп. 16. Д. 6164. Ч. 37 (2). Л. 129.
25. Виноградов П. Б., Клычников Ю. Ю. Военно-санитарная деятельность А. П. Ермолова на Кавказе // Вопросы северокавказской истории. Армавир, 1997. С. 34–43.
26. Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. Материалы и очерки. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1960. 396 с.
27. Дроздовский А. И. Краткий медико-топографический очерк Кабардинского округа Терской области // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 2. С. 335–387.
28. Туганов Р. У., Аталиков В. М. Шотландская миссия в Кабарде // Живая старина. 1991. № 1. С. 55–57.
29. Фоменко В. А., Джумагулова А. Т. История колонии Каррас и близлежащих поселений европейцев XIX – первой половины XX веков на современном этапе изучения // Научный диалог. 2021. № 7. С. 496–512. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-496-512
30. Буцковский А. М. Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей, сочиненное свиты Его императорского Величества по квартирмейстерской части подполковником Буцковским. 1812 г. // РГВИА. Ф. 414. Статистические, этнографические и военно-топографические сведения о Российской империи. Оп. 1. Д. 300. 108 л. 17 таблиц (173 с.).
31. Записки А. П. Ермолова. 1798–1826 гг. / Сост., подгот. текста. ст., коммент. В. А. Федорова. М.: Высшая шк., 1991. 463 с.
32. Кажаров В. Х. Территория феодальной Кабарды // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд Б. Х. Акбашева, 2006. С. 120–128.
33. Мальбахов Б. К. Кабарда на этапах политической истории (середина XVI – первая четверть XIX века). М.: Поматур, 2002. 512 с.
34. Алов Т. Х. Очерки политической истории хаджретской Кабарды в первой половине XIX в. Нальчик: РИО ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 126 с.

35. *Фоменко В. А.* Российские укрепления второй половины XVIII–XIX в. в верхней и средней части долины реки Кубань // Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы: материалы международной научно-практической конференции (г. Вологда, 28 июня 2017 г.). Вологда: ООО «Маркер», 2017. Часть 1. С. 73–75.

36. *Тютюнина Е. С.* Поселения Кабардино-Балкарии XVIII–XX вв.: документированные очерки. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2015. 220 с.

37. *Прасолов Д. Н., Губжоков М. Н.* Численность населения Черкесии в XVI – первой половине XIX в. // Адыгская (Черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б. Х. Акбашева, 2006. С. 128–130.

38. *Султан Хан-Гирей.* Избранные труды и документы. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. 672 с.

39. *Шаманов И. М., Мусукаев А. И.* К этнической истории карачаевского селения Джамагат // История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – начале XX вв.: проблемы социально-экономического развития. Ставрополь: Ставроп. ГПИ, 1980. С. 104–113.

40. Осетинская этнографическая энциклопедия / Составитель Л. А. Чибиров. Владикавказ: Проект-Пресс, 2012. 688 с.

REFERENCES

1. *Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei* [Acts collected by the Caucasian archaeographic commission]. Vol. 2-6. Tiflis: Tip. glavnogo upravleniya Namestnika kavkazskogo, 1868–1875. (In Russian)

2. Blaramberg I.F. *Kavkazskaya rukopis'* [Caucasian manuscript]. Stavropol: Kn. Publishing House, 1992. 240 p. (In Russian)

3. *Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godakh po prikazaniyu russkogo pravitel'stva Yuliusom fon Klaprotom. Perevod s angliiskogo* [Description of the trips to the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808 by order of the Russian government by Julius von Klaproth. Translated from English]. Nalchik: El-Fa, 2008. 320 p. (In Russian)

4. Potto V.A. *Kavkazskaya voina v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografyakh* [The Caucasian war in separate essays, episodes, legends, and biographies]. St. Petersburg: Publishing House of V.A. Berezovsky, 1887. Vol. 1. Issue 4. 736 p. (In Russian)

5. Grabovsky N.F. The annexation of Kabarda to Russia and its struggle for independence (Historical essay). *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Data Collection on the Caucasian Highlanders]. Tiflis, 1876. Issue. 9. Pp. 112–212. (In Russian)

6. Debu I. *O Kavkazskoi linii i prisoedinennom k nei Chernomorskom voiske, ili obshchie zamechaniya o poselennykh polkakh, ograzhdayushchikh Kavkazskuyu liniyu, i o sosedstvennykh gorskikh narodakh* [About Caucasian line and black sea army attached to it, or General remarks about settled regiments fencing Caucasian line, and about neighboring mountain peoples]. St. Petersburg: Typ. K. Kraya, 1829. 476 p. (In Russian)

7. Shablovsky N.N. *Georgievskaya starina* [Georgievskaya antiquity]. St. Petersburg: Printing house V. Bezobrazov and Co., 1914. 100 p. (In Russian)

8. Lavrov L.I. Karachay and Balkaria before the 1830s. *Izbrannye trudy po kul'ture abazin, adygov, karachaevcev i balkarcev* [Selected works on the culture of the abazins, adyghes, karachays and balkars]. Nalchik, 2008. Pp. 367–427 (In Russian)

9. Berozov B.P. *Pereselenie osetin s gor na ploskost' (XVIII–XX vv.)* [Migration of ossetians from the mountains to the plain (19th–20th centuries)]. Ordzhonikidze: Ir, 1980. 240 p. (In Russian)

10. Polskoy L.N. *Letopis' Pyatigorska* [Chronicle of Pyatigorsk]. Pyatigorsk, 1993. 122 p. (In Russian)

11. Kuz'minov P.A. Ethnodemographic map of the peoples of Terek: distribution, size and migration of the population in the late 18th – first half of the 19th century. *Landshaft*,

etnograficheskie i istoricheskie protsessy na Severnom Kavkaze v XIX – nachale XX veka [Landscape, Ethnographic and Historical Processes in the North Caucasus in the 19th – early 20th Centuries]. Nalchik: El-Fa Publishing Center, 2004. Pp. 641–759. (In Russian)

12. Krasnokutskaya L.I. *Inozemtsevo (1802-2002). Stranitsy istorii* [Inozemtsevo (1802–2002). Pages of history]. Pyatigorsk: Rossika, 2002. 92 p. (In Russian)

13. Gegraev Kh.K., Barazbiev M.I., Apazheva S.S. Population morbidity, formation of medical care and medical statistics in Balkaria of the 19 – early 20th centuries. *Kavkazologiya. Ehlektronnyi zhurnal* [Caucasology. Electronic Journal]. Nalchik: KBSU, 2020. No. 1. Pp. 42–66. DOI: 10.31143/2542-212X-2020-1-42-66. (In Russian)

14. Kushkhabiyev A.V. Ethnographic information about the Kabardians in Russian sources of the last third of the 18th – first quarter of the 19th century. [Caucasology. Electronic Journal]. 2025. No. 2. Pp. 83–101. DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-83-101. (In Russian)

15. Fomenko V.A. *Arkheologicheskie kul'tury Severnogo Kavkaza epokhi drevnosti i Crednevekov'ya (problemy vydeleniya i kul'turno-ethnicheskoy atributsii)* [Archaeological Cultures of North Caucasus of Ancient and Medieval Eras (Problems of Identification and Cultural-Ethnic Attribution)]. Nalchik: Redaktsionno-izdatel'skiy otdel IGI KBNTS RAN, 2018. 164 p. (In Russian)

16. Runich A.P. New data on the ancient history of Stavropol. *Materialy po izucheniyu Stavropol'skogo kraya* [Materials for Study of Stavropol Territory]. Stavropol, 1988. Issue 15–16. Pp. 15–21. (In Russian)

17. Evchenko Yu.M., Efremenko D.V., Mozloev G.A. et al. Prospects for improving plague surveillance using the Central Caucasian high-mountain natural focus as an example. *Aktual'nye voprosy obespecheniya sanitarno-ehpidemiologicheskogo blagopoluchiya v Prichernomorskom regione: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Current Issues Of Ensuring Sanitary And Epidemiological Well-Being in Black Sea Region: Proceedings of the scientific and practical conference]. Stavropol, 2013. Electronic publication (CD). Pp. 19–20. (In Russian)

18. Bentkovskii I. *Chuma na Severnom Kavkaze v proshlom i nyneshnem stoletiyakh* [Plague in the North Caucasus in the past and present centuries]. *Stavropol'skie gubernskie vedomosti* [Stavropol Provincial Gazette]. 1879. No. 2. January 13th. P. 3. (In Russian)

19. Tuganov R.U. Shariat movement in Kabarda against tsarism in 1799–1807. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. 1991. No. 1. Pp. 8–18. (In Russian)

20. Bliiev M.M. *Russko-osetinskie otnosheniya* [Russian-Ossetian Relations (1740s–1830s)]. Ordzhonikidze: Publishing House "Ir" 1970. 380 p. (In Russian)

21. Kudashev V. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode* [Historical Information About the Kabardian People]. Kyiv, 1913. 283 p. (In Russian)

22. Del'potstvo I.P. Note on Greater and Lesser Kabarda. *RGVIA. F. 846. VUA. Op. 16. D. 18491. 1808 g. 37 p.*; *Russkie avtory XIX veka o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Russian Authors of 19th Century on Peoples of Central and Northwestern Caucasus]. Comp. Kh.M. Dumanov. Nalchik: El-Fa, 2001. Vol. 1. Pp. 9–41. (In Russian)

23. *Raport inspektora Kavkazskoi kavalerii general-leitenanta Glazenapa gospodinu generalu ot infanterii knyazyu Tsitsianovu, ot 11 maya 1804 g. No. 168. – Lager' za r. Baksanom* [Report of the Inspector of the Caucasian Cavalry, Lieutenant-General Glazenap, to General of the Infantry Prince Tsitsianov, Dated May 11, 1804, No. 168. – Camp beyond the Baksan River]. RGVIA. F. VUA 846. Op. 16. D. 6164. Part 37(2). L. 134. (In Russian)

24. *Raport inspektora Kavkazskoi kavalerii general-leitenanta Glazenapa ot 12 marta 1804 g. No. 13. Georgievsk* [Report of the Inspector of the Caucasian Cavalry, Lieutenant-General Glazenap, dated March 12, 1804, No. 13. Georgievsk]. RGVIA. F. VUA 846. Op. 16. D. 6164. Part 37(2). L. 129. (In Russian)

25. Vinogradov P.B., Klychnikov Yu.Yu. Military-sanitary activities of A.P. Ermolov in the Caucasus. *Voprosy severokavkazskoi istorii* [Questions of North Caucasian History]. Armavir, 1997. Pp. 34–43. (In Russian)

26. Vasiliev K.G., Segal A.E. *Istoriya epidemii v Rossii. Materialy i ocherki* [History of epidemics in Russia. Materials and essays]. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo meditsinskoy literatury, 1960. 396 p. (In Russian)

27. Drozdovsky A.I. Brief medical and topographic essay on the Kabardian district of the Terek region. *Russkie avtory XIX veka o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Russian Authors of 19th Century about peoples of Central and Northwestern Caucasus]. Nalchik: El-Fa, 2001. Vol. 2. Pp. 335–387. (In Russian)

28. Tuganov R.U., Atalikov V.M. Scottish mission in Kabarda. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. 1991. No. 1. Pp. 55–57. (In Russian)

29. Fomenko V.A., Dzhumagulova A.T. History of colony of Karras and nearby settlements of Europeans of XIX – first half of XX centuries at present stage of study. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue]. 2021. No. 7. Pp. 496–512. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-496-512. (In Russian)

30. Butskovskii A.M. *Voенно-topograficheskoe i statisticheskoe opisanie Kavkazskoi gubernii i sosedstvuyushchikh ei gorskikh oblastei, sochinennoe svity Ego imperatorskogo Velichestva po kvartirmeisterskoi chasti podpolkovnikom Butskovskim*. 1812 g. [Military-topographical and statistical description of the Caucasus province and neighboring mountain regions, compiled by Lieutenant Colonel Butskovsky, quartermaster retinue of His Imperial Majesty. 1812]. RGVIA. F. 414. *Statisticheskie, etnograficheskie i voенно-topograficheskie svedeniya o Rossiiskoi imperii* [Statistical, Ethnographic and Military-Topographical Information About Russian Empire]. Op. 1. D. 300. 108 p. 17 tables (173 p.). (In Russian)

31. *Zapiski A.P. Ermolova. 1798–1826 gg.* [Notes of A.P. Ermolov. 1798–1826]. / Comp., text preparation. art., comment by V.A. Fedorova. Moscow: Higher school, 1991. 463 p. (In Russian)

32. Kazharov V.Kh. Territory of feudal Kabarda. *Adygskaya (Cherkesskaya) ehntsiklopediya* [Adyghe (Circassian) Encyclopedia]. Moscow: Fund B.Kh. Akbasheva, 2006. Pp. 120–128. (In Russian)

33. Malbakhov B.K. *Kabarda na etapakh politicheskoi istorii (seredina XVI – pervaya chetvert' XIX veka)* [Kabarda at Stages of Political History (Mid-16th – First Quarter of 19th Century)]. Moscow: Pomatur, 2002. 512 p. (In Russian)

34. Aloeв T.Kh. *Ocherki politicheskoi istorii khadzhretskoi Kabardy v pervoi polovine XIX v.* [Essays on Political History of Khadzhret Kabarda in the First Half of 19th Century]. Nalchik: RIO IGI KBNC RAS, 2017. 126 p. (In Russian)

35. Fomenko V.A. *Rossiiskie ukrepleniya vtoroi poloviny XVIII–XIX v. v verkhnei i srednei chasti doliny reki Kuban'* [Russian fortifications of the second half of the 18th–19th centuries in the upper and middle parts of the Kuban River valley]. *Nauka segodnya: fakty, tendentsii, prognozy: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Vologda, 28 iyunya 2017 g.)* [Science Today: Facts, Trends, Forecasts: Materials of the International Scientific and Practical Conference (Vologda, June 28, 2017)]. Vologda: OOO «Marker», 2017. Part 1. Pp. 73–75. (In Russian)

36. Tyutyunina E.S. *Poseleniya Kabardino-Balkarii XVIII–XX vv.: dokumentirovannyye ocherki* [Settlements of Kabardino-Balkaria in the 18th–20th Centuries: Documented Essays]. Nal'chik: Publishing house of M. and V. Kotlyarov, 2015. 220 p. (In Russian)

37. Prasolov D.N., Gubzhokov M.N. Population size of Circassia in the 16th – first half of the 19th centuries. *Adygskaya (Cherkesskaya) ehntsiklopediya* [Adyghe (Circassian) Encyclopedia]. Moscow: B.Kh. Akbashev Foundation, 2006. Pp. 128–130. (In Russian)

38. Sultan Khan-Girei. *Izbrannye trudy i dokumenty* [Selected Works and Documents]. Maikop: Poligraf-Yug, 2009. 672 p. (In Russian)

39. Shamanov I.M., Musukaev A.I. On the Ethnic History of the Karachay village of Dzhamagat. *Istoriya gorskikh i kochevykh narodov Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX vv.: problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [History of the Mountain and Nomadic Peoples of the North Caucasus in the 19th – Early 20th Centuries: Problems of Social and Economic Development]. Stavropol: Stavrop. GPI, 1980. Pp. 104–113. (In Russian)

40. *Osetinskaya ehnograficheskaya entsiklopediya* [Ossetian Ethnographic Encyclopedia] / Compiled by L.A. Chibirov. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2012. 688 p. (In Russian)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflict of interest.

Финансирование. Исследование проведено в рамках темы по госзаданию: «Народы Центрального и Северо-Западного Кавказа во второй половине XVIII – начале XX века в документах российских архивов». Регистрационный номер: 125032604497-5

Funding. The study was conducted as part of the state assignment: “The Peoples of the Central and Northwestern Caucasus in the Second Half of the 18th – Early 20th Centuries in Russian Archival Documents”. Registration number: 125032604497-5

Информация об авторах

Кушхабиев Анзор Викторович, д-р ист. наук, начальник Научно-инновационного центра «Экспертные системы источниковедения и историографии» Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук;

360010, Россия, г. Нальчик, ул. Балкарова, 2;

anzor-vk@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4618-2148>, SPIN-код: 8017-4857

Фоменко Владимир Александрович, канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-инновационного центра «Экспертные системы источниковедения и историографии» Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук;

360010, Россия, г. Нальчик, ул. Балкарова, 2;

fva2005@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7994-7106>, SPIN-код: 4314-7582

Information about the authors

Anzor V. Kushkhabiev, Doctor of Historical Sciences, Head of the Scientific and Innovation Center “Expert Systems of Source Studies and Historiography”, Kabardino-Balkarian Scientific Center RAS;

2, Balkarov street, Nalchik, 360010, Russia;

anzor-vk@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4618-2148>, SPIN-code: 8017-4857

Vladimir A. Fomenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Scientific and Innovation Center “Expert Systems of Source Studies and Historiography”, Kabardino-Balkarian Scientific Center RAS;

2, Balkarov street, Nalchik, 360010, Russia;

fva2005@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7994-7106>, SPIN-code: 4314-7582